

Мастер Александр Чутких является зачинателем движения за отличное качество продукции лёгкой промышленности.

Рис. О. ВЕРЕНСКОГО

- Как хорошо расходуется продукция вашей фабрики!
- Ещё бы, почин был хороший... Александра Чутких!

КРОКОДИЛ

№ 7 МОСКВА 10 МАРТА 1949

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ XXVIII

ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

ТАКОВЫ ЦИФРЫ...

3 Ал был переполнен, все глаза были устремлены на огромные часы. Вдруг прозвучал гонг. Тысячи людей в одну и ту же секунду пришли в движение и закричали во всю силу своих легких. Крик взметнулся к галерее, ударились о высокий потолок, отскочил обратно, и, начиная с этого мгновения, миллионы звуковых волн смешивались, сталкивались и разбивались друг о друга.

Так Эптон Синклер в романе «Между двух миров» описывает начало знаменитой биржевой паники в Нью-Йорке 24 октября 1929 года. Беда, кризис, катастрофа! Акции с каждым часом падают всё ниже и ниже. Рухаются состояния, лопаются банки и фирмы, гибнут фамилии.

Это было двадцать лет тому назад. Что изменилось за это время?

Сегодня, как и тогда, «дует холодный ветер наступающей депрессии».

Сегодня, как и тогда:

«В этой стране, во время финансовых крахов, биржевые дельцы, банкиры и промышленники десятками кончают жизнь самоубийством, выбрасываясь из окон двадцать пятого этажа и причиняя этим большие неудобства прохожим». Две последние цитаты заимствованы нами из книги английского прогрессивного журналиста Дерек Картэна «Такова Америка».

Здесь речь идёт главным образом о той Америке, которая находится на Уолл-стрит и прилегающих к нему районах.

Уолл-стрит — небольшая и узкая улица. Обойми своими концами эта улица упирается в кладбища... Не есть ли это напоминание Уолл-стриту о судьбах капитализма?

Бизнесмен с Уолл-стрита может похвастать своей чековой книжкой, небоскрёбом, машиной и комиссией по расследованию антиамериканской деятельности. Но он не может похвастать завтрашним днём.

Уолл-стрит и прилегающие к нему районы находятся на зыбкой почве. Малейшие колебания на бирже или на рынке вызывают здесь дикий страх перед возможным землетрясением.

Забавный эпизод с рубашками. Демонстрируется новый фильм «Однажды ночью». В одном из кадров популярный актёр, играющий главного героя, снимает верхнюю рубашку и таким образом показывает, что он не носит нижней рубашки. Тотчас же миллионы американцев последовали его примеру, перестав носить нижние рубашки. Для фабрик нижнего белья это оказалось даже не крахом, а настоящей катастрофой, и представители этой отрасли промышленности обратились в Голливуд с самыми настоятельными протестами.

Дует холодный ветер наступающей депрессии... Об этом ветре молчит американское радио. О нём не говорят на прессконференциях. О нём не пишут ни в яркочерном «Лайфе», ни на прекрасной бумаге «Америки».

Но всё же о нём говорят, об этом холодном ветре. О нём говорят цифры.

В книге «Такова Америка» приведено немало таких цифр.

19 миллионов. «В этой стране, которая организует гигантскую борьбу за экономическое подчинение земного шара... наступление экономического кризиса может привести к тому, что 19 миллионов мужчин и женщин Америки будут лишены работы».

45 миллиардов. «В 1946 году у каждой четвёртой американской семьи расходы превышали доходы, и к концу 1947 года общая задолженность американских семей достигла 45 миллиардов долларов».

И ещё две небольшие цифры:

10 и 50. «Покупательная способность американского рабочего в настоящий момент (1948 год) на 10 процентов ниже, чем была в конце войны. Чем больше рабочий производит, тем меньше сам может приобрести. Если вы спросите, почему это так, то в ответ можно сослаться на повышение цен на 50 процентов».

Бизнесмен плюёт на все ужасы, выпускаемые Голливудом. Колдуньи, ведьмы и призраки, шныряющие по кадрам кинокартин, не пугают его. Эти пугала для среднего американца.

Другой призрак портит деятелю Уолл-стрита пищеварение и нарушает покой — призрак надвигающейся депрессии, призрак наступающих кризисов.

Вот почему блудливые взоры Уолл-стрита шарят по земле, куда бы сбыть свои залежалые товары, где бы ещё зачерпнуть кучу золота. Вот она откуда — военная истерия последних лет! Вот откуда пресловутый «план Маршалла», этот большой бизнес американских дельцов!

Но недалековиден тот, кто пытается, приложив горчичник к пылающей печи, уменьшить её жар.

* * *

В книге Дерек Картэна много иностранных слов. Я бы даже сказал, много чисто американских словечек: «акции», «биржа», «паника», «бум», «депрессия», «кризис», «катастрофа», «крах», «Морган».

В русском, советском языке нет таких слов.

Сейчас наши газеты начинают печатать отчёты заседаний советского парламента — сессии Верховного Совета СССР. В этих отчётах говорится о нашем государственном бюджете.

В этих отчётах много цифр. Но иначе выглядят наши, советские цифры. Например: 5 и 3½.

Выполнить сталинскую пятилетку в три с половиной года — вот лозунг, который рубиновыми звёздами зажётся над всей страной.

Например: 106.

Эта цифра говорит о том, что план на 1948 год по валовой продукции всей промышленности СССР выполнен на 106 процентов.

Например: 86. Точнее — 86 миллиардов рублей!

Это сумма, которую население СССР выиграло в прошлом году от снижения цен.

И ещё одна цифра: 71 миллиард рублей!

Это сумма, которую население СССР выиграет в течение года от нового снижения цен.

Как видите, у нас нет ни одной цифры, которая не говорила бы о нашем росте, о наших победах, о нашей крепкой уверенности в завтрашнем дне.

Таков СССР!

Г. РЫКЛИН

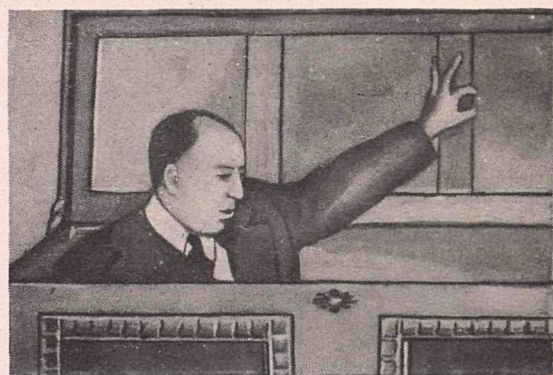
ИНТЕРВЬЮ С КОРОВОЙ

Видимо, в развитие американского принципа «свободы» печати репортёр газеты «Чикаго дейли ньюс» Мэри Гиббонс обратилась с рядом вопросов к... корове. Вопросы были чисто делового свойства, нечто: 1) почему повышается цена на молоко и молочные продукты в США, 2) отчего американские дети пьют молоко плохого качества и т. д. «Элси», так зовут корову, любезно промычала свои ответы, кстати, поставив и факсимиле — языком — на листке из блокнота журналистки.

(Фото из «Чикаго дейли ньюс»)

СУНДУК ХИЧКОКА

На снимке, взятом из газеты «Джорнал америкэн», показан известный американский кинорежиссёр Альфред Хичкок, сидящий в покоем на гроб с откидной крышкой сундука. В его последнем фильме, «Верёвка», двое убийц прятали трупы своих жертв в этот сундук, а затем заедали очередное убийство бутербродами, сидя на крышке сундука. Хичкок является главой модного литературного течения, известного под названием «моновозрастной школы». Герои романов и фильмов представителей этой школы — шизофреники, пьяницы, убийцы, шулеры и другой сброд.

ПАРИ

Последние выборы в США сопровождались, как обычно, заключением многочисленных пари. Вот три коротких сообщения из американских газет, дающих представление о той горячке, которая охватывает страну в период выборов.

Тридцатилетний Кайрус Файф из Кливленда, ставший на Дьюи, по условиям пари, должен был съесть... собственную шляпу, разрезанную на кусочки.

В Чикаго два брата Уинковские — Александр и Мартин — избрали более мирные условия. Проигравший Мартин должен отныне в течение полугода чистить ботинки своему брату, располагаясь с плакатом на спине «Я голосовал за Дьюи» на углу двух центральных улиц города.

Посрамлённый Герберт Шир, демократ-отступник, отдавший свой голос Дьюи, был вынужден совершить своеобразное турне по улицам города, подгоняя перед собой живого слонёнка. Слон же, как известно, является эмблемой республиканской партии.

Здесь мы публикуем несколько карикатур, взятых из китайского журнала «Дунбэй хуабao».

1. Гоминдановский лидер продаёт американскому империализму независимость Китая, изображённую в виде женщины с повязкой на глазах.

2. Гоминдановцы пытаются организовать на реке Янцзы линию обороны. Солдат Народно-освободительной армии говорит им: «Не удержаться вам и здесь!»

3. Англо-американское содружество в Китае. Слева изображён англичанин, справа — американец.

4. Солдат Народно-освободительной армии говорит американскому генералу Ведемейеру: «Пушки ваши стали наши!»

Рис. ЧЖУ ДАНЬ

Рис. ХУА ЦЮНЬ-У

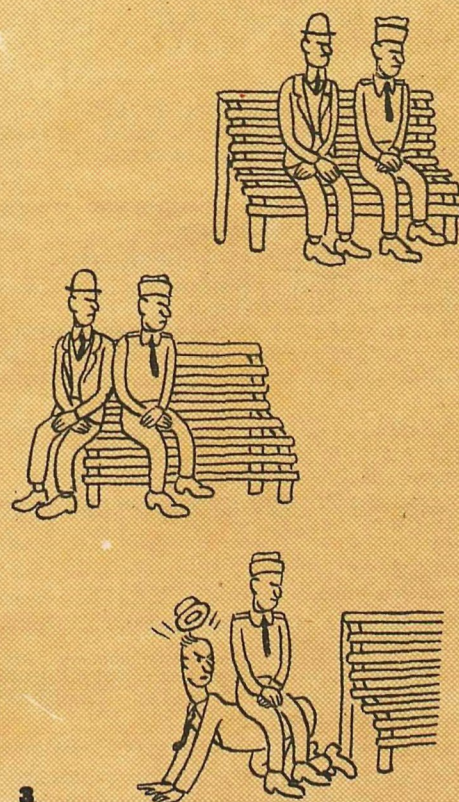

Рис. ВЕЙ ЖАНЬ

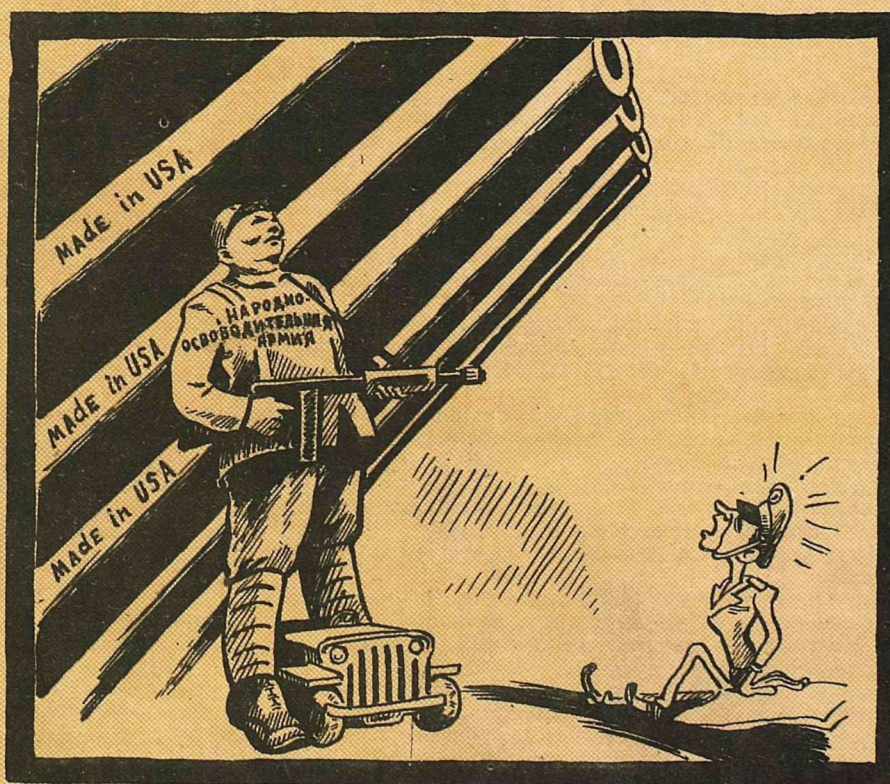

Рис. ИНЬ ЧЭНЬ

СТРОГИЙ ВОСПИТАТЕЛЬ

Рис. Л. ГЕНЧА (Ереван)

— Какое безобразие! Это, кажется, ваши школьники изощряются в ругани! Неужели они и в школе ведут себя так?
— Что вы, что вы! Разве я допущу, чтобы в школе творилось что-либо подобное!

МАСТЕР КЛЕЯ И НОЖНИЦ

Кто из писателей и поэтов не испытывал мук творчества? Ещё Пушкин утверждал, что лира поэта молчит, «пока не требует поэта к священной жертве Аполлона».

Литератор Георгий Манернов не знает таких мук. Он обходится без услуг Аполлона. Главное, считает Манернов, в совершенстве овладеть ножницами и клеем, и тогда можно творить чудеса. Таким чудесным способом Манернов смастерил недавно книжку «Сельский клуб» чуть ли не в три печатных листа и выпустил её в чкаловском издательстве тиражом в 10 тысяч экземпляров.

Раскрываем секрет его творческого метода. На странице сорок второй Г. Манернов в умилении приводит слова пятидесятилетнего колхозника Фёдора Сипайлова:

«Клуб—любимое место отдыха не только молодёжи, но и пожилых колхозников. Я всегда охотно прихожу сюда послушать новости, посмотреть спектакль, послушать беседу. Активисты клуба помогают нам получать знания и хорошо отдыхать».

Оказывается, за два года до Фёдора Сипайлова так же, почти дословно, отозвалась о своём клубе сорокапятилетняя колхозница Зейнаб Галимова из Татарии, о чём можно было прочесть в журнале «Культурно-просветительная работа» ещё в 1946 году:

«Клуб—любимое место отдыха не только молодёжи, но и пожилых колхозников. Я всегда охотно прихожу сюда послушать новости, посмотреть спектакль. Мы уважаем Хасимову. Она и её помощники помогают нам получать знания, лучше работать, хорошо отдыхать».

Две страницы посвятил Манернов докладу в сельском клубе Малахова, главного инженера завода имени Куйбышева. Но об этом докладе сам инженер Малахов впервые узнал лишь из книжки Манернова.

Освоив в полной мере с помощью ножниц и клея благодатную почву чкаловских издательств, Манернов перекочевал в Челябинск, где преуспевает с тем же успехом.

СЛУЧАЙ С КОСМОПОЛИТОМ

КРИТИК Муттен, худой, жердеобразный мужчина, с длинной, похожей на пробочник шей, пришёл домой поздно, бледный, всклокоченный, и как был в шубе и калошах, так и плюхнулся на диван.

Жена критика Прозерпина Григорьевна, пухлая томная дама, посмотрела на мужа и сразу всё поняла:

— Назвали, Макс?!

— Назвали! — прошепел критик. — Часа два не называли, я уже думал, пронесёт! А потом называли. И пошло же и пошло! Как из мешка посыпалось!

— А ты сказал им, что тебя нельзя критиковать, что это тебе запрещено врачами, что у тебя радикулит и давление?! Я же тебе достала справку от доктора! Ты её показал президиуму?

— Показал! Не помогло!

— Что же делать теперь, Макс?! — сильно волнуясь, сказала Прозерпина Григорьевна. — И почему ты сам сидишь, как мешок? Вставай, иди, хлопочи!

— Куда идти, Прозерпиночка?!

— Не знаю, куда, но иди! Только не сиди так и не впадай в депрессию! Поднимайся! Надо звонить, писать!

— Хватит! Дозвонился, дописался! Оставь меня. И не суетись, пожалуйста!

Но энергичная Прозерпина Григорьевна не унималась:

— Надо, чтобы за тебя заступились большие, известные люди. Позвони Николаю Фёдоровичу. Он добрый человек!

Критик скривился:

— Ты с ума сошла! Я же его обругал. В своё время. За драму. А потом он премию получил. Неужели ты не помнишь?

— Не помню, Макс. Ты многих ругал, а они потом почему-то премии получали! Разве всех запомнишь?! Звони Борису Сергеевичу, он тоже очень симпатичный.

— Тоже обругал. За комедию. И тоже он премию получил.

— Сергею Ивановичу позвони!

— Ругал! За кинофильм!

— Может быть, он забыл, что ты его ругал?

— Не забыл! Ведь фильм все хвалили, один я ругал!

— Попробуй Леонида Петровича попросить!

— Ругал! За эстраду!

— Слушай, Макс! — трагическим контраalto сказала Прозерпина Григорьевна. — Но ты же всех охаял!

Критик вскопчил, как будто его укололи шилом:

— Ты заговорила их языком, Прозерпина! Ведь в резолюции про меня так и написали: «Всех охаял»!

— Макс, дорогой, успокойся! — сказала Прозерпина Григорьевна. — Попробуй сам вспомнить, кого ты не хаял, а хвалил.

Критик мрачно зашагал по комнате, бормоча что-то себе под нос.

Прошло десять минут.

— Вспомнил, Макс?

— Нет ещё. Не мешай!

Прошло ещё десять минут. Критик продолжал мерять шагами комнату.

— Ну, вспомнил?

— Нет! Не приставай!

Прошло ещё четверть часа.

— Ну, говори же, Макс! — жалобно сказала Прозерпина Григорьевна. — Я поеду сейчас же!..

— К кому ты поедешь, дура?! — завопил вдруг критик, наливаясь кровью. — К американскому режиссёру Гриффиту? Или к Дюма-фису в Париж на кладбище?!

Прозерпина Григорьевна на цыпочках вышла из комнаты.

Критик опустился в кресло под большими стенными часами и, уставясь взглядом в одну точку, продолжал думать, хотя, собственно говоря, думать было уже не о чем.

Леонид ЛЕНЧ

Рис. В. ГОРЯЕВА

Когда проверяется работа партийных организаций, иногда преобладает не стремление помочь, а стремление обязательно «разнести».

(Из доклада тов. Г. М. Попова)

ВЕРНАЯ ПРИМЕТА

- Иван Петрович в район собирается!
- Откуда ты знаешь?
- Не слышишь разве, как он кричит: «Я их распеку!», «Я им мозги вправлю!», «Они у меня попрыгают!»

Зодчий и ДВЕРИ

НЕКОТОРЫМ ЭСТЕТАМ ОТ АРХИТЕКТУРЫ, УВЛЕКАЮЩИМСЯ КОМПОЗИЦИЕЙ ФАСАДА В УЩЕРБ ВНУТРЕННИМ УДОБСТВАМ КВАРТИР, ПОСВЯЩАЕТСЯ

Не так давно возвёл солидный дом
Один оригинальный зодчий,
До всяких выдумок охочий,
Большой эстет притом.
Немало времени и средств ухлопав,
Нагромоздил амуров, нимф, циклопов —
Явил в работе зодческую прыть,
Вот красота! Но как окно открыть?
Ему эстетики приёмы
Знакомы,
Открыл их тайны сей дотошный человек,
Зато оконные проёмы
Закрыв нарек.
Забыл он о деталях быта,

Хоть в зодческих деталях был он спец.
В квартиру дверь открыта,
Но в панике въезжающий жилец.
У входа целый день бедняга бродит:
Сам может он войти, а шкаф никак не
входит!

* * *

В исканьях зодчего сего
Находок нет — одни потери.
Причудливый проект его
Не лезет ни в какие двери!

В. ГРАНОВ, Мих. ПУСТЫНИН

КАК НИ СТРАННО, НО...

...в пьесе А. Н. Островского «Без вины виноватые» Григорий Незнамов не всегда поднимает тост «за матерей, бросающих своих детей». Например, на станции Грязи артисты Воронежского драмтеатра, боясь опоздать на поезд, покинули сцену до этого монолога. Очевидно, тост Незнамова был поднят уже в вагоне за артистов, бросающих без вины виноватую публику

* * *

...в самом конце отрывного календаря на 1948 год после листка на 31 декабря оказался ещё один листок. На нём напечатано:

«В случае обнаружения брака в данном экземпляре календаря типография просит вернуть его для обмена на доброкачественный по адресу: Москва, 54, Валуевская, 28, 1-я Образцовая типография треста «Полиграфкнига» Огиза». Что, собственно, можно вернуть по прошествии года? Этот листок?

* * *

...В посёлке Аржаново, Дятьковского района, Брянской области, баня открыта с 8 утра до 4 часов дня. Большинство жителей в это время на работе. Они утешают себя тем, что вечерами могут вместо бани посещать клуб, где зав. баней по совместительству дирижирует оркестром и обучает танцам.

* * *

...в Грязовце, Вологодской области, физкультурникам города прислали инвентарь для речного спорта. Теперь в городе есть вёсла, лодки, спасательные пояса, паруса, но нехватает... реки, которая, как рассказывают старожилы, высохла ещё в XIX веке.

Знакомая фамилия

ДОМОУПРАВЛЕНИЕ № 16 предъявляло иск в сумме 1500 рублей к гражданину Блинникову за причинённый ущерб:

«...Жилец квартиры № 8 гр. Блинников В. И., являясь злостным разрушителем жилфонда и желая принять ванну, открывши кран и будучи вызван к телефону, занявшись разговорами и позабывши о вытекаемой воде...»

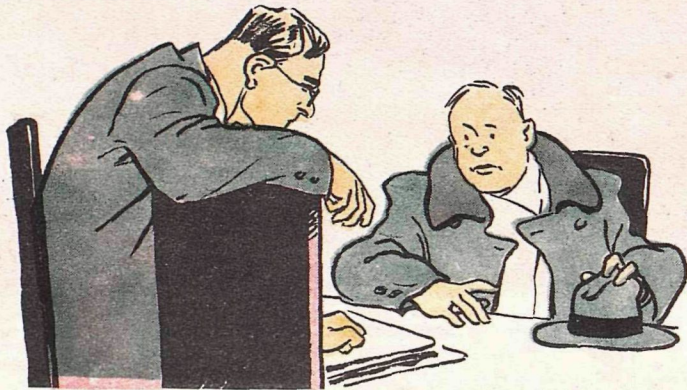
— «Позабывши, открывши», — судья улыбнулся и вслух произнёс: — Блинников... Блинников? Знакомая фамилия... Откуда я её знаю? На фронте? Нет, там был майор Оладьин и сапёр Вареников, а Блинникова не было...

Внезапно в памяти судьи словно дверь распахнулась в светлый, просторный класс, и давно позабытый голос громко произнёс: «Блинников, это ты мяукнул или у тебя в парте кто-то мяукнул?»

— Валька! — воскликнул судья и даже поднялся с кресла.

Так вот оно что! Жилец Блинников В. И., заговорившись по телефону, напустил воды в нижний этаж. Очень на него похоже! Десятилетний Валька Блинников был растяпа и беспамятный, но очень хороший малый. А тридцатипятилетний Валентин Иванович Блинников стал вдруг разрушителем. И почему он упорно отказывается возместить убытки и доводит дело до суда? Очевидно, считает себя непогрешимым и правым.

Судья походил по комнате, покурив.

«Во всяком случае, обстоятельства для встречи друзей детства: один — судья, другой — подсудимый — не располагающие, — думал он. — И неприятно и обидно будет за Вальку, если он станет выкручиваться, а потом изловит меня где-нибудь в коридоре, изобразит на лице искреннюю радость (это после приговора!) и начнёт заискивать, доказывать, просить: «Гошка, помнишь, как мы с тобой лягушек ловили? А нельзя ли как-нибудь пересмотреть дельце... обжаловать?...»

Но тут же судья сам себя осудил:

«Может быть, я зря так о нём думаю. А я вот что сделаю: вызову его до суда, скажу, что иск беспорный, платить всё равно придётся. Пусть он по-хорошему внесёт деньги, и я прекращу дело. И если он прежний Валька, он поступит честно, а если нет, — и говорить не о чем».

На другой день секретарша приоткрыла дверь в кабинет и сказала:

— К вам гражданин Блинников.

Судья почувствовал некоторое волнение.

В кабинет быстрой походкой вошёл тот самый Валька, которого ожидал увидеть судья: маленький, белообрый, но не щуплый, как в детстве, а толстенький, цветущий, в добротном сером пальто. В руке у него была фетровая шляпа, и он независимо ею помахивал, подходя к столу. Поглядев на судью, он поморгал белёсыми ресницами и потупился:

— Здравствуйте. Я Блинников, явился по вызову.

«Не узнал, тем лучше», — подумал судья.

— Садитесь. Ваше дело...

— О потопе, — предупредительно подсказал Блинников.

— Об убытках, причинённых вами домоуправлению, — сдержанно поправил судья. — Дело назначено на десятое. Иск беспорный. Почему вы не желаете заплатить? Зачем вам обязательно судиться?

— Как я не желаю? — тонким валькиным голосом воскликнул Блинников. — Я даже сам сейчас же, как был в халате, помчался к домоуправше и заявил, что я нечаянно набезобразничал и что я им отремонтирую или заплачу, как хотят!

— Так в чём же дело?

— Ах, вот именно! Дело в том, что она сухарь! — жалобно сказал Валька.

— Не понимаю, — строго сказал судья.

— Ну да, конечно, виноват, — заторопился Блинников. — Она в общем хороший управдом, но понимаете... — он запнулся и сконфуженно повторил: — Сухарь. Я, видите ли, дачу себе строю, значит, у меня денег куры не клюют. А я, если хотите знать, все свои сбережения в эту дачу всадил да ещё назанимал кучу... Впрочем, это не имеет значения. Но я ж ей говорю: подождите месяц! Один только месяц...

— А она?

— Упёрлась. «Дачи, — говорит, — себе сооружаете, а мой жилфонд разрушаете? В суд!» Ну, в суд, так в суд.

Он вздохнул:

— Даже обидно. Я разрушитель, когда я сам инженер-строитель.

Судья прожевал улыбку и сказал строго:

— Однако ведь действительно вода испортила потолок в нижнем этаже. Как же вы это так заговорились по телефону?

Блинников поглядел в окно и улыбнулся:

— Видите... Хотя это, конечно, тоже никакого отношения к делу не имеет, но доведись хоть до кого... Мне из родильного дома звонили... Сын родился.

Судье очень захотелось вскочить, обнять Блинникова и крикнуть: «Валька! У тебя сын? Поздравляю!» Но вместо этого он сдержанно сказал:

— Я вас понимаю, но всё же потоп делать не следовало. Так, значит, платить вы сейчас категорически отказываетесь?

Блинников нахмурился и энергично потряс головой:

— Отказываюсь. Суд, так суд. Занимать мне не у кого. Я с этой дачей и так всех друзей обобрал. Через месяц разбогатею, получу обещанную премию и тогда — пожалуйста! — лепные потолки им сделаю, не жалко! А сейчас гол, как сокол. Я могу идти?

— Да, — сказал судья.

Блинников поклонился и пошёл к двери.

— Валька! — крикнул судья.

Блинников живо обернулся. Круглое его лицо расцвело в улыбке, и он протянул к судье обе руки:

— Гошка! Узнал всё-таки!

— Подожди, а ты разве тоже меня узнал?

— Я-то? С первого взгляда! Такой солидный нос появляется раз в столетие!

Судья расхохотался:

— Так чего ж ты притворялся, чудак этакий?

— О-о! — Блинников погрозил пальцем. — Вы, товарищ судья, при исполнении священных обязанностей, а подсудимый вдруг: «Гошка! Дружище, ты ли это?» Каково положение судьи? И я себе думаю: «Судите, товарищ судья, а когда совершится акт правосудия, ну, тогда я позвоню недельки через две и скажу: «Егор Петрович, Вальку Блинникова помните? Приходите сына смотреть!» — и позвонил бы обязательно, потому что ужасно обрадовался, когда тебя увидел. А ты, значит, тоже меня сразу узнал?

— Конечно.

— И посомневался? Эх, Гоша! А, впрочем, ты прав. Человек, который злостно разрушает жилищный фонд и отказывается возместить убытки, чорт его знает, что это за человек!

Когда Валентин Иванович Блинников, распрощавшись с судьёй, уже взялся за ручку двери, судья снова окликнул его:

— Валя!

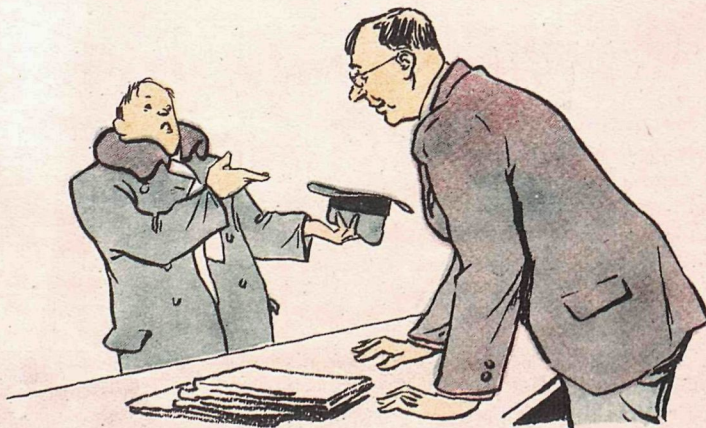
— Да?

— А ты бы всё-таки заплатил, чем судиться.

— Вот ей-богу! Нет у меня сейчас денег, ты пойми!

Судья покачал головой и достал бумажник:

— Что ж теперь делать, обирай и последнего друга. Так и быть, подожду, пока разбогатеешь.

ТАЛАНТЫ И НИЗКОПОКЛОННИКИ

Бедная Консуэло! Сколько ей пришлось претерпеть в своей жизни! Об этом достаточно ярко написала в своём романе «Консуэло» французская писательница Жорж Санд. Но художнику В. Бехтееву муки Консуэло показались явно недостаточными, и он решил заставить её страдать ещё больше, а вместе с ней и читателей, купивших новое издание романа «Консуэло» (Гослитиздат) с иллюстрациями этого художника.

Достаточно посмотреть хотя бы на одну иллюстрацию Бехтеева, помещённую здесь, чтобы убедиться, на что способен этот «мастер». Куда исчезла, например, у Консуэло шея, куда девалась кисть правой руки, во что одета бедная женщина? Эти и многие другие вопросы возникают, когда смотришь на мазию Бехтеева.

И одно только становится ясным: налицо явное подражание французским художникам-формалистам, дошедшее до того, что даже свою фамилию под иллюстрациями Бехтеев написал по-французски, а не по-русски. Очевидно, тяготея к иностранному, он стыдится всего русского.

* * *

Не отстаёт от Бехтеева и художник В. Роскин, проиллюстрировавший книгу П. Бажова «Живинка в деле». Чудесные уральские сказы этот, с позволения сказать, художник умудрился снабдить рисунками, целиком напоминающими по стилю работы западных художников-конструктивистов (см. рисунок справа).

Зачем это понадобилось Роскину, неизвестно. Так же, как неизвестно и то, зачем понадобилось Профиздату, выпустившему книгу П. Бажова, снабдить её формалистическими иллюстрациями.

Так талантливые вещи порой пакаются бездарными низкопоклонниками.

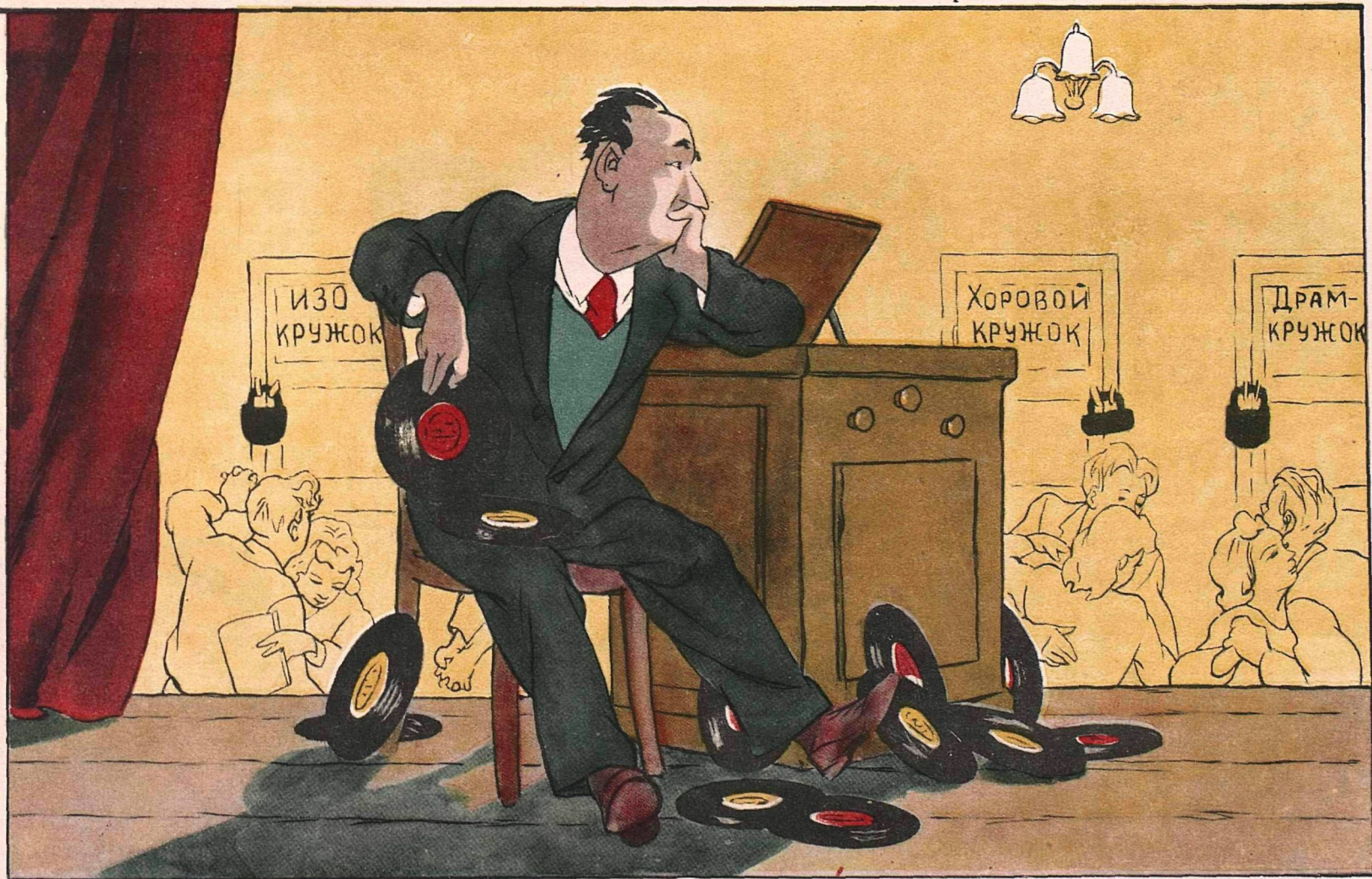

Рис. Е. ЩЕГЛОВА

НЕЗАМЕНИМЫЙ

— Считаю, что мне нужно прибавить жалованье. Я ведь в клубе один за всех работаю!

ПИГМЕИ И ГИГАНТЫ

Вл. МАСС и Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

СНОБ-КО

Рис. Вор. ЕФИМОВА

Космополиты-пигмеи пытались подстрелить мхатовскую чайку.

В музыке они замахивались критическими саксофодубинками на великих русских композиторов-мелодистов.

От жизни и дневного света
Тяжёлой шторой защищён,
Не выходя из кабинета,
Строчил свои трактаты он.

Строчил настойчиво и рьяно.
За стол садился он с утра,
И фразы, как вода из крана,
Лились из-под его пера.

Он написал немало вздора —
О психотехнике актёра,
О языке индусских драм,
О плясках племени Ньям-Ньям,
О смысле древнеримских танцев,
О строе нидерландских месс,
И о влиянии испанцев
На стиль и форму русских пьес.

Своим приятелям-эстетам
Он представлялся мудрецом.
Он был для них авторитетом
И идеальным образцом.

Но, сидя в душном кабинете,
Он темы брал не только эти.

С неустойчивым постоянством,
То прямо, то исподтишка,
Он занимался критиканством
С учёным видом знатока.

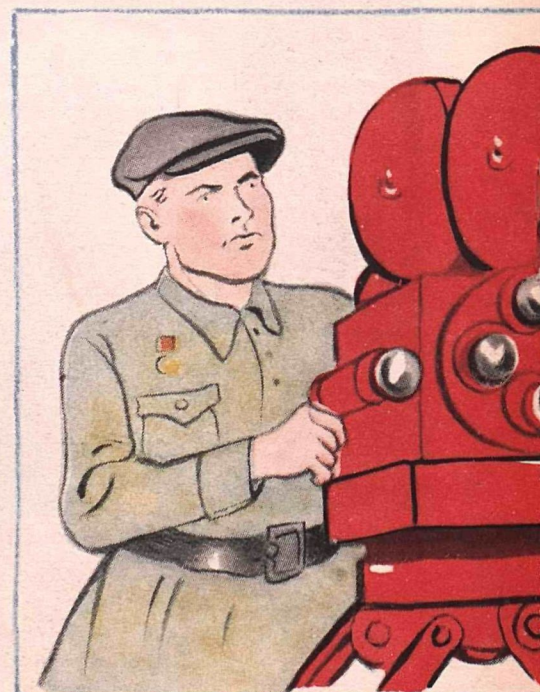
На всё, что молодо и ново,
Со скрытой злобой он взирал,
Всё, что свежо, клеймил сурово
И откровенно презирал.

Вот он в театре на премьере
Нарочно сел поближе к двери.

Все рукоплещут, только он
Шипит чуть слышно, как пифон.

Потом, задолго до антракта,
Не досмотрев второго акта,
Бесшумно покидает зал,
Спешит домой, как на вокзал,

В кино они мешали работать советско-американскому объективу перед объективом старой ковбойской камеры на голливудской свалке.

СМОПОЛИТ

И раздражённо пишет:

«Пьеса

Не представляет интереса.
Пред нами жалкая лазня,
Без ярких мыслей,
Без огня,
Без романтизма...
Скажем прямо:
Нам не нужна такая драма.
Нам много больше по душе
Дюма, Лябиш и Бомарше...»

Вот перелистывает он
Страницы нового романа
И тут же, зол и раздражён,
Схватив перо,

строчит пространно:

«Писатель встал на ложный путь,
Он не волнует нас ничуть,
Его роман не каноничен,
Эпизодичен,
Не пластичен,
В нём плоский, сбивчивый сюжет,
В нём имманентной формы нет,
Индустриальные мотивы
Не элегантны,
Некрасивы,
Ведь обходились, например,
Без них Шпильгаген и Флобер...»

Так жил беспечно много лет
Низкопоклонник и эстет.

Кичился именем,
Культурой,
Считал себя большой фигурой,
Был у приятелей в чести...

Но беспощаден суд народа,
И «мудрецов» такого рода
Сметать умеет он с пути.

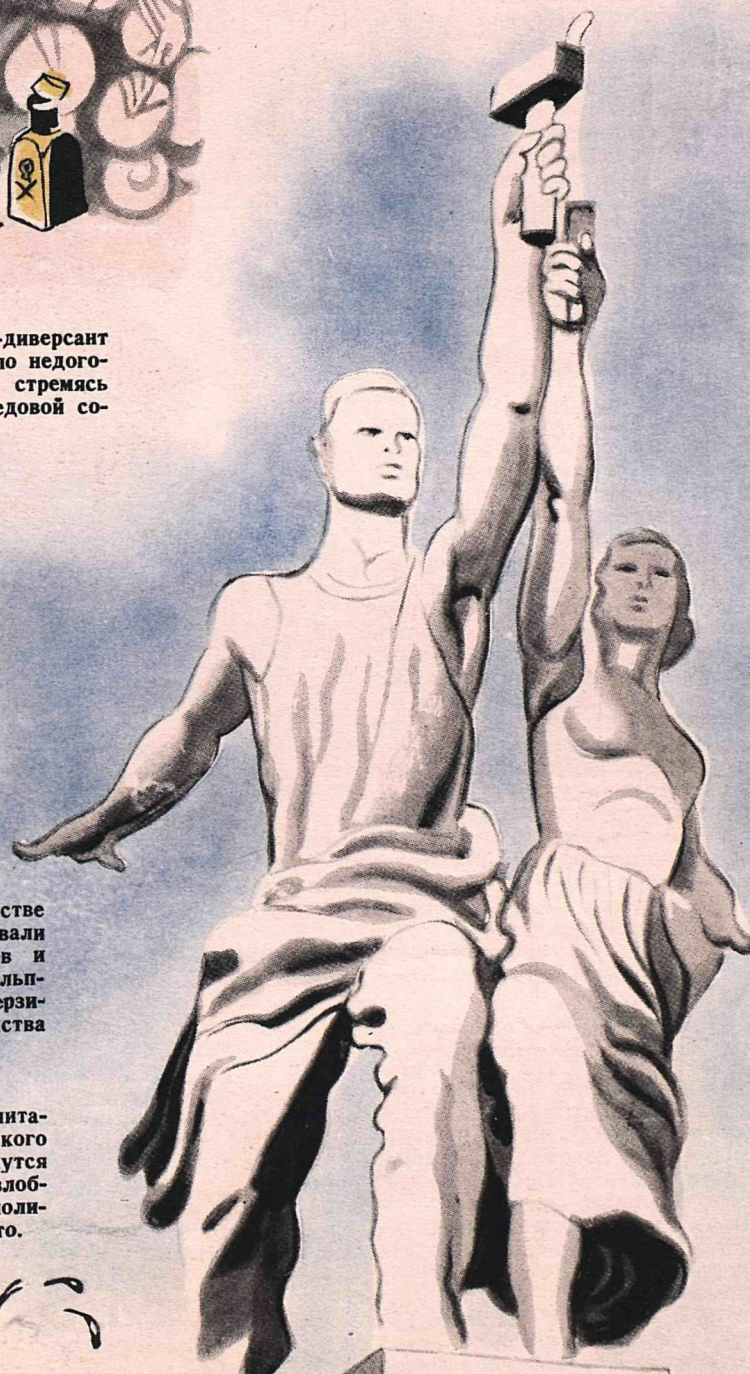
Не слышно сноба...
Так бесследно
Под вешним солнцем тает лёд.

А жизнь идёт вперёд победно,
И что пришло цвести, цветёт.

ким режиссёрам и сценаристам, нагло размахивая шляпой американца Гриффита, подобранной

В литературе критик-диверсант
Данин палил из обреза по недого-
новскому сельсовету, стремясь
сбить красный флаг передовой со-
ветской поэзии.

В изобразительном искусстве
они, как черви, подтачивали
холсты наших художников и
лезли на мрамор наших скульп-
торов, всюду оставляя омерзи-
тельные следы низкопоклонства
перед заграницей.

* * *

Чем всё это кончится,— чита-
телю понятно. Гиганты русского
советского искусства останутся
все на своих местах, а от злоб-
ствующих пигмеев-космополи-
тов останется... пустое место.

(ИЗ СЕРИИ «ТИПЫ, УХОДЯЩИЕ В ПРОШЛОЕ»)

ПРОШЛЫМ летом мы со знакомым агрономом брели по ржаному полю.

И вот я заметил один, резко выделяющийся из массы ржи колос. Он был выше всех остальных и гордо покачивался над ними.

— Смотрите, — сказал я агроному, — какой мощный, красивый колос! Может быть, это какой-нибудь особенный сорт?

Агроном безжалостно сорвал колос и протянул мне:

— Пощупайте: в этом красивом колосе нет совсем зёрен. Это колос-тунеядец, он берёт влагу и всё прочее от природы, но не даёт хлеба. В народе его называют пустоколоска. Есть и цветы такие в природе — выродки. Они часто красивы на вид, но внутренне бессодержательны и не плодоносят, называются пустоцветом. Так вот и этот колос...

— Колос-стиляга! — воскликнул я.

Пришёл черёд удивляться агроному:

— Как вы сказали?

— Стиляга, — повторил я и рассказал агроному следующую историю.

* * *

В студенческом клубе был литературный вечер. Когда окончилась деловая часть и объявили танцы, в дверях зала показался юноша. Он имел изумительно нелепый вид: спина куртки яркооранжевая, а рукава и полы зелёные; таких широченных штанов канареечно-горохового цвета я не видел даже в годы знаменитого клёша; ботинки на нём представляли собой хитроумную комбинацию из чёрного лака и красной замши.

Юноша опёрся о косяк двери и каким-то на редкость развязным движением закинул правую ногу на левую, после чего обнаружили носки, которые, казалось, сделаны из кусочков американского флага, — так они были ярки.

Он стоял и презрительно сощуренными глазами оглядывал зал. Потом юноша направился в нашу сторону. Когда он подошёл, нас обдало таким запахом парфюмерии, что я невольно подумал: «Наверное, ходячая реклама ТЭЖЭ».

— А, стильяга, пожаловал! Почему на доклад опоздал? — спросил кто-то из нашей компании.

— Мои вам пять с кисточкой! — ответил юноша. — Опоздал сознательно: боялся сломать скулы от зевоты и скуки... Мумочку не видели?

— Нет, не появлялась.

— Жаль, танцевать не с кем.

Он сел. Но как сел! Стул повернул спинкой вперёд, обнял его ногами, просунул между ножками ботинки и как-то невероятно вывернул пятки: явный расчёт показать носки. Губы, брови и тонкие усики у него были накрашены, а причёске «перманент» и маникюру могла позавидовать первая модница Парижа.

— Как дела, стильяга? Всё в балетной студии?

— Балет в прошлом. Отшвартовался. Прилип пока к цирку.

— К цирку? А что скажет княгиня Марья Алексеевна?

— Княгиня? Марья Алексеевна? Это ещё что за птица? — изумился юноша.

Все рассмеялись.

— Эх, стильяга, стильяга! Ты даже Грибоедова не знаешь...

В это время в зале показалась девушка, по виду спорхнувшая с обложки журнала мод. Юноша гаркнул на весь зал:

— Мума! Мумочка! Кис-кис-кис!..

Он поманил пальцем. Ничуть не обидевшись на такое обращение, девушка подпорхнула к нему.

— Топнем, Мума?

— С удовольствием, стильягочка!

Они пошли танцевать...

— Какой странный юноша, — обратился я к своему соседу-студенту. — И фамилия странная: Стиляга — впервые такую слышу.

Сосед рассмеялся:

— А это не фамилия. Стилягами называют сами себя подобные типы, на своём птичьём языке. Они, видите ли, выработали свой особый стиль в одежде, в разговорах, в манерах. Главное в их «стиле» — не походить на обыкновенных людей. И, как видите, в подобном стремлении они доходят до нелепостей, до абсурда. Стиляга знаком с модами всех стран и времён, но не знает, как вы могли убедиться, Грибоедова. Он знает изнутри все фоксы, танго, румбы, линды, но Мичурину путает с Менделеевым и астрономию с гастрономией. Он знает наизусть все арии из «Сильвы» и «Марицы», но не знает, кто создал оперы «Иван Сусанин» и «Князь Игорь». Стиляги не живут в полном и в нашем понятии этого слова, а, как бы сказать, порхают по поверхности жизни... Но посмотрите.

Я и сам давно заметил, что стильяга с Мумочкой под музыку обычных танцев — вальса, краковяка — делают какие-то ужасно сложные и нелепые движения, одинаково похожие и на канкан и на пляску дикарей с Огненной Земли. Кривляются они с упоительным старанием в самом центре круга.

Оркестр замолчал. Стиляга с Мумочкой подошли к нам. Запах парфюмерии разбавился терпким запахом пота.

— Скажите, молодой человек, как называется танец, который вы танцуете?

— О, этот танец мы с Мумочкой отработывали полгода, — самодовольно объяснил юноша. — В нём шикарно сочетается ритм тела с выражением глаз. Учтите, что мы, я и Мума, первые обратили внимание на то, что главное в танце — не только движение ног, но и выражение лица. Наш танец состоит из 177 вертикальных бросов и 192 горизонтальных пируэтов. Каждый брос или пируэт сопровождается определённой, присущей данному бросу или пируэту, улыбкой.

Называется наш танец «стиляга це-дри». Вам нравится?

— Ещё бы! — в тон ему ответил я. — Даже Терпсихора в обморок упадёт от восторга, увидя ваши 117 бросов и 192 пируэта.

— Терпсихора? Кажется, так вы сказали? Какое шикарное имя! Кто это?

— Терпсихора — это моя жена.

— Она танцует?

— Разумеется. И ещё как! В пляске святого Витта она использовала 334 броса и 479 пируэтов!

— Пляска святого Витта? Здорово! Даже я такого танца не знаю.

— Да что вы?! А ведь это сейчас самый модный танец при дворе французского короля Генриха Гейне.

— А я где-то слышала, что во Франции нет королей, — робко возразила Мумочка.

— Мума, замри! — с чувством превосходства заметил стильяга. — Не проявляй свою невоспитанность. Всем известно, что Генрих Гейне — не только король, но и французский поэт.

Гомерический хохот всей компании покрыл эти слова. Стиляга отнёс его в адрес Мумочки и смеялся громче всех. Мума сконфузилась, покраснела и обиделась.

— Мумочка, не дуйся. Убери сердитки со лба и пойдём топнем «стилягу це-дри»...

Мума улыбнулась, и они снова принялись за свои кривляния...

— Теперь вы знаете, что такое стильяга? — спросил сосед-студент. — Как видите, тип довольно редкостный, а в данном случае единственный на весь зал. Однако находятся такие девушки и парни, которые завидуют стильягам и мумочкам.

— Завидовать? Этой мерзости?! — воскликнула с негодованием одна из девушек. — Мне лично плюнуть хочется.

Мне тоже захотелось плюнуть, и я пошёл в курительную комнату.

Д. БЕЛЯЕВ

НЕ ТЕ МОДЫ

«Журнал мод» не забывает о своих подписчиках и время от времени вступает с ними в оживлённую переписку. Так, в 1948 году многострадальные подписчики вместо очередного номера журнала получили из редакции следующее извещение:

«В 1947 году по техническим причинам не вышел в свет 4-й номер журнала.

В настоящее время готовится к печати специальный выпуск (осенние моды) 1948 года взамен невышедшего 4-го номера за 1947 год. Специальный номер будет рассылаться подписчикам в 3-м квартале».

Но ни в третьем, ни в четвёртом кварталах прошлого года журнал не вышел. Вместо него из-под пера редакции вышло следующее произведение:

«Журнал мод» сообщает, что специальный выпуск журнала взамен невышедшего 4-го номера в 1947 году выйдет в свет и будет рассылаться подписчикам с 25 декабря».

Однако прошло уже два месяца 1949 года, а журнала всё нет и нет. Неважные моды завела редакция «Журнала мод»!

ОСТЫ И ГОСТЫ «СТАНДАРТИЗ»

Никак нельзя сказать, что «Стандартгиз» работает по стандарту. Наоборот, у нас есть все основания утверждать, что работники торгового отдела этого почтенного издательства проявляют максимум инициативы и изобретательности в своей деятельности.

«Наша библиотека», — пишет в Крокодил директор библиотеки из Казани тов. Тырыгин, — решила выписать технические осты и гости. Послали в «Стандартгиз» заявку. Каково же было изумление, когда получили посылку, в которой были стандарты на сдобные изделия, ситный хлеб с изюмом, куриные яйца, рыбу холодного копчения, макаронные изделия, изделия бельевые для новорожденных, креп-жоржет, крепдешин и т. д. и т. п. Библиотека думала, что произошла ошибка. Но при получении следующей посылки было то же самое».

Не падайте духом, тов. Тырыгин! В конце концов запасы остов и гостей на хлеб с изюмом и бельевые изделия для новорожденных в «Стандартгизе» исчерпаются. И тогда, может быть, вы получите от него то, что вам требуется.

НЕПОГРЕШИМЫЙ ПАПУ

Начальник Молотовской конторы снабжения и сбыта Министерства трудовых резервов Николай Ильич Папу, хоть он и просто Папу, но непогрешим, как папа римский.

Правда, не так давно Николай Ильич Папу нарушил единые государственные цены и переплатил артелям за пошивку обмундирования полмиллиона рублей.

Николаю Ильичу ещё из элементарной алгебры было известно, что минус на минус даёт плюс. Чтобы ликвидировать свой полумиллионный грех, Николай Ильич совершает новый полуторамиллионный грех: продаёт обмундирование по завышенной цене и перебирает из бюджета ремесленных школ 1 475 381 рубль.

Напрасно прибывший из Москвы ревизор пытался оспаривать законность подобных операций. Криками и стуком кулаков по столу Николай Ильич доказал, что он, Папу, непогрешим.

Так и остался Папу при своём особом мнении.

ЗАКОВЫЧКА С ТОЧКОЙ

Москвичка Скангель имела от Западной железной дороги исправную радиоточку, которая с августа 1948 года перешла в ведение Московской городской радиотрансляционной сети. Здесь на точку поставили точку и отключили её. Таким образом у точки образовалась заковычка.

Чтобы точку опять включить в сеть, нужны сущие пустяки: написать заявление, отнести или отвезти его на Добрынинскую, 35, получить разрешение на смену проводки, потом эти провода заменить (что разрешается делать только работникам радиосети), потом...

С этого и началась заковычка.

В управлении радиосети принимают три раза в неделю с 9 до 3, кроме воскресенья, а Скангель работает шесть дней в неделю и свободна только в воскресенье. Вот и умудрился оформить точку!

Ко всему нужно добавить, что Скангель писала заявление, звонила по телефону, напоминала инспектору, но везде наткнулась на заковычку.

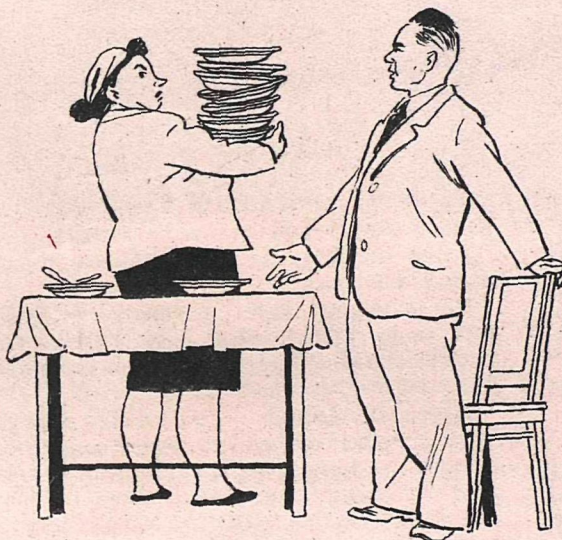
И дело о включении точки повисло на мёртвой точке.

СМЕШНЫЕ ЗАРИСОВКИ ИЗ ПЛОХОЙ СТОЛОВОЙ

Рис. Г. ВАЛЬКА

— У вас каждый день такие плохие обеды?
— Нет, по понедельникам столовая выходная.

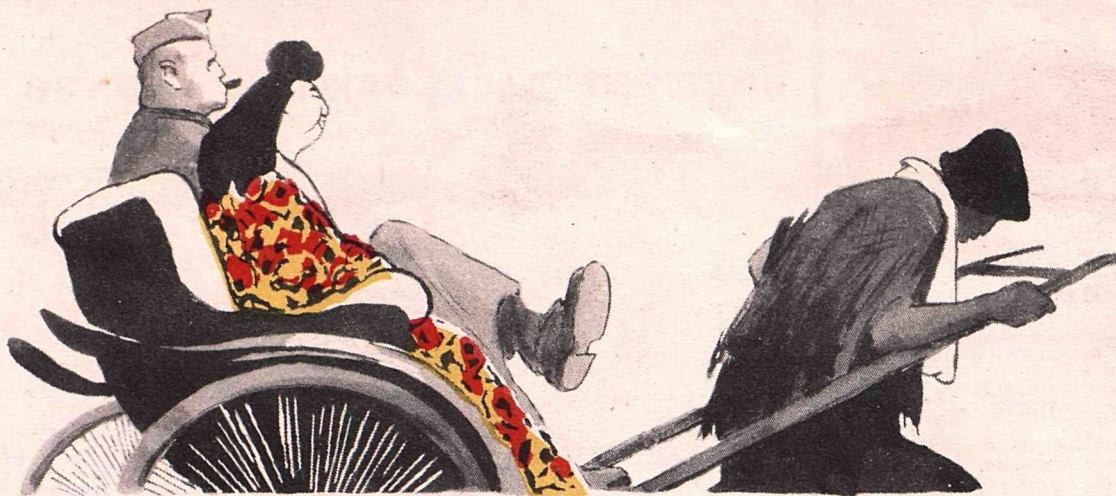
— Что это: суп или бурда какая-то?
— Ни то, ни другое, гражданин! Это борщ!

— Я удивляюсь, как это ваш повар ухитряется из хороших продуктов готовить плохие обеды!
— А он по этому делу уже двадцать лет работает!

— Почему у вас кисель пахнет луком, а хлеб — селёдкой?
— Понять не могу! Ещё вчера наоборот было!

Александр ВАСИЛЬЕВ

НА УЛИЦАХ ТОКИО

(ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ)

«На улицах Токио» — так мы назвали путевые заметки. Но, собственно говоря, в Токио нет улиц. Они существуют как промежутки между рядами домов, но у них нет названий. Попробуйте найти нужный вам дом по наименованию района, номеру квартала и номеру дома, втиснутого без всякого определённого порядка куда-то в гущу других домов!

Но пусть эта лабиринтообразная система узких и кривых улиц и глухих переулков останется внутренним делом японцев. Пойдём по улицам без названий.

Пойдём постольку, поскольку это возможно, преодолевая мусор и навоз, которые валяются на мостовых и тротуарах, сосредоточиваясь местами в издающие зловоние свалки.

КОСТРЫ И ХИЖИНЫ

Хотите знать, как можно из обломков камня и кусков ржавого железа с добавлением нескольких старых досок сделать жилище?

Посмотрите, как сооружают «дома» японцы — сами себе инженеры на пепелищах разрушенного Токио.

Может быть, вы хотите знать, как можно обойтись даже и без таких подобию человеческого жилья?

Тогда посмотрите, как семьи обнищавших японских рабочих влачат своё существование под эстакадой городской железной дороги.

От дождя — каменный настил над головой, от ветра — куски фанеры по бокам, постель — куца мусора, отопление — костёр. И никакой квартирной платы — это ли не благодать!

Вы, конечно, хотите знать, весь ли Токио превращён в груды развалин. О, нет! Центр города — резиденция императора, правительственные здания, банки, конторы, крупнейшие магазины, особняки богачей — почти не повреждены. А между тем казалось бы, что именно по этому гнезду агрессоров следовало нанести удар, чтобы сломить сопротивление японских империалистов.

Говорят, что американские лётчики имели приказ не бомбить центр Токио будто бы потому, что большие здания должны пригодиться для размещения американских оккупационных властей.

Какая дальнобойная предусмотрительность!

ПИЩА ТЕЛЕСНАЯ И ПИЩА ДУХОВНАЯ

У самураев всегда был очень хороший аппетит, можно сказать, зверский аппетит. В своё время они проглотили Маньчжурию, значительную часть Китая, Филиппины, Индонезию и намеревались подвергнуть этой же участи советский Дальний Восток, Индию, Австралию и многое другое.

Люди попроще удовлетворялись рисом, рыбой, овощами.

После капитуляции ассортимент кушаний значительно измельчал. Приходится удовлетворяться продукцией внутреннего производства.

Местонахождение магазинов, торгующих продуктами, можно узнать, руководствуясь... обонянием. Как только вас обдаёт на улице волна кисло-гнилого запаха, приготовьтесь увидеть через десяток шагов бочки с мочёной редькой, молодые побеги бамбука, каракатиц, устриц, ракушки, жареных кузнечиков, змей, всевозможную рыбу: свежую, свежемороженую, солёную и сушёную.

Недавно меню японского населения обогатилось... крысами.

Газета «Ниппон таймс» сообщила 20 февраля 1948 года, что в Токио некто Итиро Акимото ест крыс и благодаря этому обладает при своём шестидесятилетнем возрасте таким отменным здоровьем, что собирается жениться на молодой девушке...

Ассортимент пищи духовной ещё беднее. Всё, что остаётся в голове рядового японца свободным после газетного месива типа вышеизложенного крысиного сообщения, забивается душеспасительной болтовнёй и джазовой музыкой по радио, а также американскими детективными кинофильмами.

Для окончательно потерявшего способность к размышлению японца и тут есть выход.

Нигде нельзя так легко узнать свою судьбу, как в Японии. Хиромантия достигла такого высокого развития и настолько приближена к населению, что рука хироманта как бы постоянно находится в кармане обывателя.

В центре города выстроились по улице целые ряды хиромантов. Вывеска, столик, схемы, из которых видно, что судьба человека легкомысленно прячется в линии рук, лба, виска и прочих частей тела. Извлечь её оттуда на свет божий и разоблачить — дело совсем простое и недорогое. Кладите свой дневной заработок и наслаждайтесь счастьем угаданной судьбы.

По вечерам на углах улиц мерцают огоньки фонарей: хироманты работают круглые сутки.

О ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЯХ ЯПОНИИ

К достопримечательностям Японии относятся гора Фудзияма, храмы, цветущая вишня, «сакура», а также американцы. О вышеуказанной горе, храмах и т. п. написано столько, что уже навязло в зубах. Американцы — достопримечательность сравнительно новая, но весьма распространённая и для описания благодарная.

Знакомство с этой достопримечательностью начинается с ботинок громадных размеров, ярко начищенных, медно-рыжего цвета, на толстой подошве. Это ещё не весь американец, но... впрочем, судите сами...

Войдите в служебный кабинет американца, в его «офис». Стол, на столе ноги в ботинках; где-то сзади в кресле покоится всё остальное, полагающееся человеку. Подошвы проделывают

Рис. Л. БРОДАТЫ

В БУДАПЕШТЕ

- В газетах пишут, что американцы вмешиваются в чужие дела. Это неправильно.
- Почему?
- Потому что заговор кардинала Миндсенти — их дело!

колебательные движения, как бы живая посетителю, а затем раздаётся тягучее: «Хеллоу».

Потрясённый этим приёмом, вы выходите на улицу.

Навстречу несутся открытые автомашины. Из кабинок торчат ноги, обутые в те же здоровенные ботинки.

Плетутся рикши. Люди-лошади, натужливо перебирая тощими ногами, катят за собой колясочки. Огромные фигуры седьмов, национальность которых выдают американская военная форма или костюмы клетчатой и невероятно яркой, попугайной раскраски, возвышаются и плывут по улице медленно, покачиваясь из стороны в сторону, как идола в языческой религиозной церемонии. Самодовольный вид, сигарета в зубах, нога на ногу и... простёртый вверх носок гигантского, ярко начищенного ботинка. Не черепашня скорость и не сомнительное удобство этого способа передвижения прельщают просвещённых американцев. Ездить на людях не только в переносном, но и в буквальном смысле — можно ли упустить такую возможность?!

Желая оправиться от этих и других впечатлений токийской жизни, вы идёте вечером в американское кино. Усаживаясь в кресло и пытаетесь настроиться на созерцательный лад. Но вас что-то назойливо тревожит сзади. Вы оглядываетесь: на уровне вашей головы, над спинкой кресла, возвышаются... ботинки вашего соседа сзади.

НАУКА ПОДРАЖАТЬ...

Американцы говорят японцам: «Учитесь у нас», — и эта «наука подражать» проникла во все поры японской жизни.

Наглядное пособие для усвоения сей науки всегда перед глазами у японцев. Пойдите на главные уличные перекрёстки Токио. В центре перекрёстка возвышается на тумбочке массивная фигура американского полицейского, перетянутая ремнями и с громадной белой каской на голове. В двух шагах на таком же возвышении примостился невзрачный японский полицейский в кургузом мундире. У американца в руках палочка, у японца тоже; у американца во рту свисток, у японца тоже. Американец даёт продолжительный свисток и указывает направление уличного движения. Японец тоже даёт свисток и туда же показывает палочкой. Пешеходы и машины следуют в указанном направлении.

Снова свисток американца, он грузно взмахивает рукой и открывает движение в новом направлении. Японец, как будто его дернули за верёвочку, которую держит в своих руках американец, проделывает те же движения, стараясь подражать во всех деталях.

Всё, как в Америке: колонны рабочих демонстрантов, требующих улучшения правового и материального положения японских трудящихся, сопровождаются полицией и танками.

Всё, как в Америке: бастующих японских рабочих арестовывают и бросают в тюрьмы.

Послушание вознаграждается, и от щедрот американских воспитателей направлены в Японию... две тысячи коз, дабы японское население улучшило своё материальное положение путём развития животноводства. Одна коза на сорок тысяч населения! Это ли не помощь?!

ПШЕНИЧЕНКО-ТАРСКИЙ

ВЫ ЗНАЕТЕ его?

Какой знакомый образ встаёт перед вами?

Какие ассоциации связаны у вас с обладателем столь громкой фамилии?

Вы молчите. Вы смущены. Боитесь показаться невеждой. В самом деле, кто же это Пшениченко-Тарский? Современник? Славный предок? Водитель войск? Популярный актёр или известный литератор? Знатный стахановец-строитель? А может быть, литературный персонаж?

Вот уже в вашей памяти промелькнули сходные имена: Потёмкин-Таврический, Святополк-Мирский, Самарин-Эльский, Каронин-Петропавловский, Дон-Кихот Ламанчский...

Остановитесь, читатель.

Не ищите имени Пшениченко-Тарского в исторических летописях и в списках знатных людей нашего времени.

Пшениченко-Тарский — не полководец, не герой, не мореплаватель, не плотник, и струны вещие баянов не будут говорить о нём.

В. В. Пшениченко-Тарский — простой смертный. Он числился в списках сотрудников Министерства машиностроения и приборостроения. Он возглавлял один из главков министерства — Главформоматериал. Чтобы было яснее, в чём дело, скажем, что аппарат главка призван снабжать формовочным песком литейные цехи заводов. Адрес главка: Москва, Ново-Рязанская улица, дом № 36.

Долгое время аппарат главка был на положении глухого угла, забытого министерским и партийным контролем. Общественная жизнь здесь не была ключом. Не было кружков и школ — ни политических, ни профессиональных. Зато была негласная «школа Тарского», слушателям которой начальник читал импровизации о самом себе. Изучение биографии начальника главка было обязательным минимумом для каждого сотрудника. Её должны были знать все — от заместителя начальника до уборщицы. Значительную часть рабочего дня Пшениченко-Тарский отводил волнующим рассказам о своём детстве, отрочестве и юности, об активном участии в революции, о выдающейся роли своей личности в истории XX века.

Пшениченко-Тарский так определяет своё положение в дооктябрьский период: — Типичная судьба профессионала-революционера. Три раза брала меня царская полиция...

В устных мемуарах Пшениченко-Тарского большое место занимают годы гра-

жданской войны. Перед слушателями встаёт образ красного командира, по повелению руки которого бойцы шли в огонь и в воду:

— В моём распоряжении был корпус. Корпус бросался на самые решающие участки фронта... Вы спрашиваете: почему у меня нет боевых орденов? От орденов мы тогда отказывались. Не брали из скромности...

Этап социалистической реконструкции страны также нашёл в лице Пшениченко-Тарского, по его уверениям, своего блестящего представителя. Касаясь этого этапа, он сыплет на своих потрясённых слушателей имена и фамилии выдающихся деятелей. Он активно участвовал в комиссии под председательством самого товарища... (имя рек). Его идею горячо поддерживал не кто-нибудь, а сам товарищ (имя рек). Это ему товарищ (имя рек) предложил составить проект резолюции по ответственнойшему вопросу. Это он получил лестное предложение изложить свои мысли в центральной печати. Пристал к нему, видите ли, редактор: напиши, голубчик Тарский, хотя бы полтысячи строк. А он не писал. Ответил: пусть мои идеи осветит в печати за своей подписью более видный деятель (такой-то), сочтёмся славой, ведь мы свои же люди...

Пшениченко-Тарский профессиональным революционером не был, и царская полиция не имела к нему претензий. Он не командовал корпусом в гражданской войне. Выдающиеся деятели эпохи социалистической реконструкции справлялись со своими задачами без авторитетных советов Пшениченко-Тарского. Автобиографический курс, читанный начальником песчаных карьеров, — беспардонное враньё, хвастовство, самозванство.

Мы могли бы снисходительно отнестись к этой болтовне. Бывают разные человеческие слабости. Есть хвастуны безвредные и самозванцы бескорыстные. Они довольствуются тем, что смотрят в исторические зеркала и воображают себя то гениальным корсиканцем, то наследником испанского престола. Если бы в главке объявился гоголевский Поприщин, одержимый манией величия, мы обратились бы к специалисту по нервным заболеваниям, и тогда вместо фельетона была бы написана история болезни Пшениченко-Тарского.

Но в данном случае дело обстоит совершенно иначе. Начальник главка — отнюдь не безобидный враль и хвастун. В его действиях есть и расчёт и корысть. «Героическая» автобиография помогает этому

заурядному человеку делать карьеру в министерстве.

Именами руководящих лиц начальник главка защищался, как бронёй, от критических замечаний. Ему говорили, что план добычи песков занижен. В ответ на это раздавался гневный вопль, что план согласован и утверждён в инстанциях. Ему намекали, что аппарат засорён бездельниками и жуликами, на это следовало крикливое заявление, что аппаратом доволен сам министр. Ему говорили, что напрасно выжил он из коллектива дельного специалиста, хорошего большевика, начальник в ответ рычал, что он сам знает, что делает.

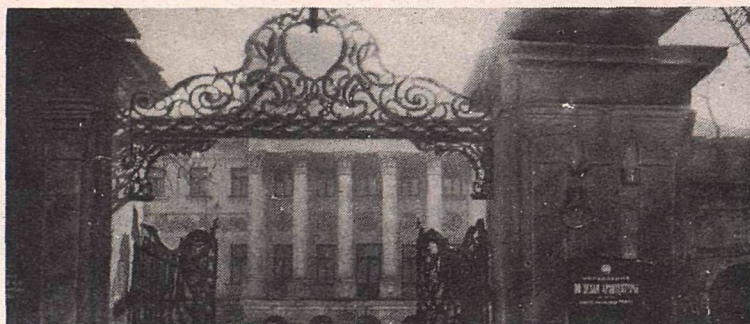
Пшениченко-Тарский долгое время находился на положении неуязвимого лица. Сотрудников поражаало то обстоятельство, что контролёры и ревизоры не заглядывали в главк. Это рассматривалось как знак полного доверия к главку со стороны коллегии министерства. До сих пор, мол, благодарение богу, подбирались к другим трестам и главкам, а нас обходили стороной. Значит, наш Тарский и впрямь не врёт, утверждая, что он крупная фигура, что он с министром на короткой ноге, что все его знают и почитают...

Предоставленное самому себе, учреждение стало своего рода медвежьим углом, глухой провинцией, где невозбранно резвился наглый лгун. Одни сотрудники взирали на своего начальника так, как смотрят очарованные кролики на удава. Другие сомневались в моральных и деловых качествах начальника, но боялись разоблачать его. Он подавлял подчинённых мнимыми заслугами и высокими связями. В советском учреждении он держал себя, как феодал. Он выгонял из аппарата дельных людей, довольствуясь середнячками, покорно слушавшими его одиссеи. А тем временем дела в главке и на его карьерах шли хуже и хуже. Здание Пшениченко-Тарского расплозилось по швам, будучи построено не на каменном фундаменте труда, опыта и правды, а на зыбучем песке халтуры, невежества и очковитирательства.

Конечно, В. В. Пшениченко-Тарский относится к породе самозванцев, вымирающей в наше время. Но писать о нём всё-таки следует, ибо редкие представители этой породы ещё вносят свой нечистый дух в атмосферу наших учреждений. Особо, если эти учреждения похожи на тот забытый угол, каким оказался главк на Ново-Рязанской улице.

И. РЯБОВ

ФОТОВИТРИНА КРОКОДИЛА

ЗДЕСЬ ПОКОЯТСЯ

В этом старинном московском особняке расположилось Управление по делам архитектуры при Совете министров РСФСР. А в этом управлении вот уже более двух лет лежат недвижимо 113 типовых проектов жилых домов и общественных построек для деревни. На разработку этих проектов затратили полтора миллиона рублей. Ни один проект до деревни не дошёл.

Спите спокойно, дорогие проекты!

ПАМЯТНИК И. И. СИМОНА

Фотография справа ничего общего с военными действиями не имеет. Руины, изображённые на фотографии, мирного происхождения и относятся к февралю 1949 года.

Больше того: это вовсе не руины, а памятник, который воздвиг сам себе заместитель директора Московского областного педагогического института Иван Иванович Симон.

Как выселить с территории института группу заслуженных врачей-фронтников и членов их семей? Закон и суд на стороне врачей. Тогда И. И. Симон заменил закон ломом, а суд — молотками и приказал разрушить кирпичную стену, отделявшую квартиру врачей от института.

— Мы заставим их отсюда убраться! — заявил Симон.

Районный прокурор решительно потребовал от Симона прекратить ломку стены, но тот сделал вид, что сие к нему не относится, и спокойно завершил начатое дело.

Такова история памятника, который мы предлагаем вниманию наших читателей, Московской городской прокуратуры и Министерства просвещения РСФСР.

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Ответь мне начистоту: ты уверен в том, что проживаешь в Москве, в доме № 24, по улице «Правды»? Я, например, с некоторых пор стал сомневаться, верно ли, что живу в доме № 3/5 по Вокзальной улице, где я проживаю вот уже пятнадцать лет. Такие сомнения вселило в меня домоуправление. Вдруг, ни с того, ни с сего, оно потребовало от меня справки из адресного стола, что я действительно проживаю в этом доме. Но в адресном столе такие справки выдают на основании справок из домоуправления. Как же мне быть?

А. ПУПЫШЕВ

Новосибирск.

Товарищ Крокодил!

Вот уже прошло два месяца нового, 1949 года, а председатель Павлодарского облпотребсоюза Шевченко и председатель нашего райпотребсоюза Медведев никак не могут распрощаться с прошлым, 1948 годом.

Наши кооператоры накупили столько прошлогодних календарей, что не знают, куда их девать. Часть этих календарей они решили сбывать в нашем районе, но пока безуспешно.

Население Бескарагайского района живёт сегодняшним и завтрашним днём, чего нельзя сказать о кооператорах, которые живут не только вчерашним днём, но и прошлым годом.

М. ДЕНЧЕНКО,
М. РЕДОВСКИЙ

с. Семиярск, Казахской ССР.

Уважаемый Крокодил!

Руководители Грозненского отделения железной дороги и райпрофсоюза не любят бросать слов на ветер.

— Мы не пожалеем средств на восстановление железнодорожного клуба в Грозном! — заявили они.

И не пожалели! На один только проект ушло 120 тысяч рублей!

Прошло два года. О проекте позабыли.

— Мы никому не позволим разрушать наш клуб! — громогласно объявили грозненские железнодорожники.

И не позволили. Никому! Сами стали разбирать в клубе полы, оконные рамы и двери.

Как видишь, слово и у них не расходится с делом.

Вл. МИРОВ

г. Дзауджикау.

Товарищ Крокодил!

О поваре Масюке, Фёдоре Матвеевиче, работающем в столовой одного из одесских предприятий, как о мастере кулинарии я ничего не могу сказать. Не привелось мне отведать ни одного блюда, приготовленного им. Но вот как о мастере уклоняться от сыновних обязанностей я кое-что знаю и с удовольствием готов рассказать.

В местечке Базилия, Каменец-Подольской области, живут престарелые родители Масюка — отец Матвей Игнатьевич, 71 года, и мать Дарья Дмитриевна, 67 лет. Хотя бы вспомнил когда-нибудь Масюк о своих стариках, написал им, узнал об их здоровье, денег, наконец, послал! Куда там! Не желает заботиться о родителях родной сын. Пусть о них пекутся совсем посторонние люди. Это его вполне устраивает.

— Хватит с меня того, что я кормлю других, — рассуждает неблагодарный отпрыск, — не могу же я в самом деле на части разорваться!

Л. ЧЕРНИК

Львов.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

О В № 1 Крокодила было помещено письмо читателя о выпуске Казанской табачной фабрикой недоброкачественных папирос «Норд». Бюро Бауманского РК ВКП(б) Казани предупредило директора фабрики тов. Приданцева, что если он не обеспечит выпуск первосортной продукции, то будет привлечён к строгой партийной ответственности.

О В № 3 Крокодил писал о том, что помощник секретаря Конюховского РК КП(б) Казахстана тов. Квартирку отказалась принять письмо, отправленное с Камчатки. Как установил райком партии, тов. Квартирку невнимательно и бездушно относилась к письмам трудящихся. Тов. Квартирку от работы в райкоме освобождена.

Рис. Г. ГРИГОРЬЕВА
(г. Мелекесс, Ульяновской обл.).

— Это какой зверь?
— Цигейка, наверное.

СООБЩАЕМ АДРЕСА

Недавно в Вологде состоялся хоккейный матч, представлявший большой спортивный интерес. Счёт игры вёлся не по количеству забитых в ворота шайб, а по числу сломанных клюшек. В первые десять минут игры было выведено из строя по десять клюшек у каждой из играющих команд.

Пусть не подумает читатель, что в данном матче участвовали какие-то сверхъестественные силы. Ничего подобного. Играли обыкновенные спортсмены. Но вот клюшки, которыми они пользовались, делали необыкновенные бракоделы из артели, возглавлявшейся Лиукимовичем. Их адрес:

г. Минск,
артель «Культпром» Облесдревсоюза.

* * *

В то время как на севере нашей страны ещё играют в хоккей, на побережье Чёрного моря уже спускают на воду шлюпки.

Очень приятно в первый раз после зимних месяцев прокатиться вдоль берегов на однопарной лодке, разминая мускулы. Но предупреждаем любителей водного спорта: ни в коем случае не садитесь в шлюпки, принадлежащие управлению курорта Сочи—Мацеста. Потому что некоторые шлюпки даже без пассажиров имеют крен до сорока градусов, а при загрузке даже одним человеком из надводных сооружений превращаются в подводные. Эти выдающиеся шлюпки сконструированы и изготовлены далеко от Сочи, а именно:

Сокольское,
Ивановской области,
Судоверфь.
Директор — тов. Козлов.

* * *

Как лечиться от простуды? Есть много способов. Неплохо, например, поставить горчичники. Это старинное средство приносит несомненную пользу.

Однако при покупке горчичников будьте осторожны и обязательно обращайтесь внимание на фабричную марку.

Если вам попадутся горчичники, на которых напечатано:

Химфармпром,
завод горчичников,
г. Сталинград,—

немедленно купите их и тут же перешлите по вышеуказанному адресу с припиской: «Директору тов. Пальгуюеву, для личного пользования». Может быть, тов. Пальгуюев найдёт какое-нибудь применение своим горчичникам. Потому что качество их очень низкое и простуженным они никакой пользы не приносят.

38
19 MAR 1949

Книжная Палата
Обяз. экзempl.
1949 г.

2478 m.

Рис. И. СЕМЕНОВА

КОЛИЧЕСТВО, НЕ ПЕРЕХОДЯЩЕЕ В КАЧЕСТВО

— Никак не пойму, как это получается! Работают у нас пятьдесят экономистов, а экономии всё-таки нет!